

Мы не вернулись с той страшной ВОЙНЫ...

*Вам, кому ещё нет шестнадцати, восемнадцати...
Вам, кто не знает, что такое война
Посвящается,
чтобы поняли,
чтобы помнили...*

Продолжаем публиковать материалы, посвященные 75-й годовщине нашей Великой Победы. В них речь пойдет не просто о молодых людях, чью жизнь оборвала война, они были поэтами, они оставили на земле не только своё имя, но и своё слово...

*Юные безусые герои, юными остались вы навек.
Перед вашим вдруг ожившим строем
Мы стоим, не поднимая век...*

Павел Коган (1918-1942)

Я - патриот.

Я воздух русский,

Я землю русскую люблю.

Павел Коган родился в Киеве в интеллигентной семье. В 1922 году его родители переехали в Москву. 1936 году Павел Коган поступил в лучший гуманитарный ВУЗ СССР – Институт истории, философии и литературы (в дальнейшем слившийся с Московским университетом). Стихи начал писать рано, но за время своей короткой жизни не увидел в печати ни одного стихотворения, подписанного его именем. Самобытный же его талант, развитие которого так трагически было прервано войной, живет в каждой строчке его лучших стихов. В них выражается философия целого поколения, которое жило ощущением надвигающейся войны. Он родился поэтом, романтиком, фантазером. И на фронт он ушел прямо со студенческой скамьи Московского института истории, философии и литературы.

Из-за близорукости его в армию не призвали. Тогда он записался на курсы военных переводчиков, после **окончания** которых всё-таки был направлен на фронт. Вскоре ему было присвоено звание лейтенанта. В армии поэт не только переводил на допросах «языков», но и участвовал в боях, ходил в разведку.

Павел Давыдович Коган **погиб** в бою 23 сентября 1942 года под Новоросийском. Первый сборник его стихов был издан только в 1960 году.

Стихи Павла Когана наглядно показывают мощный творческий потенциал его поколения. К сожалению, он не смог реализоваться в полной мере – большинство сверстников П.Д. Когана не вернулись с войны.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова -
Сажень косая, твердый шаг -
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучаясь, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.

Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!
Но людям Родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я - патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

Михаил Кульчицкий
(1919 – 1943)

Михаил Кульчицкий родился в Харькове в 1919 году в семье адвоката, бывшего офицера 12-го драгунского Стародубского полка, Валентина Михайловича Кульчицкого, автора нескольких книг стихов и прозы. Первое стихотворение Михаила было опубликовано в 1935 году в журнале «Пионер». После школы, поступив в Харьковский университет, через год перевёлся на второй курс Литературного института им. Горького (семинар Ильи Сельвинского).

Учась, давал уроки в одной из московских школ.

В первый день войны Михаил обратился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Он уже заранее постригся наголо. Вскоре был сформирован истребительный батальон, в который вступили практически все студенты Литинститута. В октябре батальон был расформирован, и студенты вновь приступили к занятиям. Кульчицкий был на последнем, четвертом курсе, но слушать лекции, когда враг был на подступах к Москве, ему казалось невозможным.

Он поступает в пулеметно-минометное училище в Хлебникове, чтобы приобрести военную специальность. В середине декабря 1942 года Михаил окончил училище, получил звание младшего лейтенанта.

Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война — совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа,
когда,
 черна от пота,
 вверх
скользит по пахоте пехота.
Марш!
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног

наворачивается на чёботы
весом хлеба в месячный паёк.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжёлых орденов.

Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино.

26 декабря 1942, Хлебниково-Москва.

* * *

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю Котовского разум,
Который за час перед казнью
Тело свое граненое
Японской гимнастикой мучил.

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет!

19 января 1943 года командир минометного взвода Михаил Кульчицкий погиб в бою под селом Трембачево Луганской области при наступлении от Сталинграда в район Харькова. Перезахоронен в братской могиле села Павленково Новопсковского района, Луганской области.

Имя поэта-фронтовика выбито золотом на 10-м знамени в Пантеоне Славы Волгограда. Имя Михаила Кульчицкого на мемориальной доске, установленной в память о студентах Литературного института им. А.М.Горького, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, в здании на Тверском бульваре №25, историческом Доме Герцена.

Стихи Михаила Кульчицкого признаны классикой военной лирики.

Николай Майоров (1919 -1942)

*... Мы были высоки, русоволосы
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папирсы. ..*

С началом Великой Отечественной войны, Николай Майоров рвётся на фронт. Летом 1941 года, вместе с другими московскими студентами роет противотанковые рвы под Ельней. Прибыв в сентябре в Москву, Николай приходит в военкомате медкомиссию и уезжает в Иваново до получения повестки. В октябре 1941 года был призван в ряды Красной Армии Краснопресненским райвоенкоматом г. Москвы. Во время похода маршевой роты на фронт, красноармейца Николая Майорова назначают помощником политрука.

С января 1942 года, в составе 1106 стрелкового полка 331-ой стрелковой дивизии пулеметчик Николай Майоров участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Смоленщине.

В двадцати километрах от Гжатска (ныне Гагарин) советские войска несколько месяцев держали оборону деревни Баранцево. Немногие остались живы. В этих боях, 8 февраля 1942 года, во время первого большого наступления советских войск, красноармеец Николай Майоров погиб. Похоронен в братской могиле.

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
потомок различит в архивном хламе
кусок горячей, верной нам земли,
где мы прошли с обугленными ртами
и мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
железом обозначены следы -
так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!

Пройдут века, и вам солгут портреты,
где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы,
вы в книгах прочитаете, как миф,
о людях, что ушли, не долюбив,
не докурив последней папиросы.

Когда б не бой, не вечные исканья
крутых путей к последней высоте,
мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
в столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
в обмотках грубых ноги волоча,
мы видели, как женщины глядели
на нашего шального трубача,
а тот трубил, мир ни во что не ставя
(ремень сползал с покатога плеча),
он тоже дома женщину оставил,
не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
почти со всех сторон окружены,
глядели вверх - и небо было чисто,
как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть не точны слова,
и слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
он нами пройден, пройден до конца,
и хорошо, что руки наши пахнут
угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
нас не забудут потому вовек,
что, всей планете делая погоду,
мы в плоть одели слово "человек"!

* * *

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять -
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навтыжку и приоткрыв гробы, —
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей подковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Руководитель литературной гостиной Мостовая Т.В.